

На правах рукописи

Титова Ольга Юрьевна

**АРЕАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ
МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
РУССКИХ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ
(конец XIX – начало XXI века)**

Специальность 07.00.07 – этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва – 2015

Работа выполнена в отделе русского народа Федерального государственного бюджетного учреждения науки Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук

доктор исторических наук

Власова Ирина Владимировна

Научные руководители:

доктор исторических наук,
кандидат филологических наук
Харитонов Валентина Ивановна

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор,
Заседателя Лидия Борисовна

кандидат исторических наук
Мазалова Наталия Евгеньевна

Ведущая организация:

социально-гуманитарный факультет
Саратовского государственного
технического университета
им. Гагарина Ю.А.

Защита состоится « 8 » декабря 2015 г. в 14:30 часов
на заседании Диссертационного совета Д.002.117.01 при
Институте этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
по адресу: 119991, г. Москва, Ленинский проспект, 32-а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
и на сайте ИЭА РАН www.iea-ras.ru

Автореферат разослан « » октября 2015 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
доктор исторических наук

Е.С. Данилко

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Важной составной частью традиционной культуры являются мифологические представления. Изучение таких представлений различных народов – одно из направлений в области этнографических, религиоведческих, исторических, филологических, культурологических исследований, что обусловлено несколькими причинами. Во-первых, мифологические представления, как и мировоззренческая картина мира в целом, являются в определенной степени отражением исторических судеб народа, его прошлого. Отжившие общественные отношения, древние формы быта, культурные связи с соседними народами – все это в той или иной мере отражено в фольклоре и мифологии¹. Во-вторых, в мифологических представлениях проявляется символика сакрального, которая составляет мировоззренческую основу как традиционной, так и современной культуры. Изучение этой символики может способствовать пониманию сути мировосприятия народа на протяжении длительного исторического времени.

Разнообразие региональных и локальных особенностей русской традиционной культуры, обусловленное спецификой этнической истории народа, существенно осложняет ее изучение. Это касается и фольклорно-мифологического наследия русских, которое также представлено большим количеством локальных вариантов. Последнее существенно актуализирует изучение истории русской народной культуры и ее хранителей в рамках отдельно взятого региона. Для рассмотрения данной проблемы большое значение имеют материалы о мифологических представлениях русских Центрального Черноземья. Регион интересен для изучения народной культуры как русских, так и всего полиэтничного населения в целом, в его культурном взаимодействии. Исследование фольклорно-мифологических знаний, мифологических представлений, установление их специфики, предположительно позволит выделить существующие культурные ареалы и уточнить их границы, опираясь на данные ареального изучения в иных научных областях.

Необходимость исследования Центрального Черноземья обусловлена, во-первых, сложным этническим составом региона: кроме наиболее многочисленных русских здесь проживали и проживают представители других этнических общностей и славянских (украин-

¹ Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX – начала XX в. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 3.

цы, белорусы), и неславянских (мордва, татары и др.) народов; во-вторых, самобытностью и уникальностью традиционной культуры населения Центрального Черноземья, вобравшей в себя как архаичные культурные элементы древнего населения юга Восточной Европы, так и распространившиеся здесь с XVI века – в связи с колонизацией земель «Дикого Поля» – особенности культуры русских из центральных и северных уездов России. Исчезновение из жизни элементов традиционной культуры или их активная трансформация под воздействием новых реалий и неумолимое сокращение контингента осведомленных информантов диктуют настоятельную необходимость постоянно осуществлять полевые исследования любых регионов, а особенно периферийных и поликультурных, где процессы этнокультурного развития протекают особенно бурно и сложно.

Научное исследование мифологических представлений, фольклорно-мифологического знания, позволяет проанализировать традиционную картину мира, показать трансформации, которые затронули те или иные ее стороны, выявить особенности бытования подобных представлений и причины их сохранения или отмирания. Это существенно, поскольку под влиянием кардинальных изменений, происходящих в жизни современных людей, уходят в прошлое многие элементы мировоззрения, связанные с традиционными верованиями и представлениями. На фоне их утраты идет процесс образования иных форм религиозно-эзотерического сознания и новых культов², довольно отдаленных от традиционного народного мировоззрения, но находящихся многочисленных сторонников в разных слоях общества. В то же время в сознании наших современников (особенно людей пожилого возраста, живущих в сельской среде) до сих пор сохраняются элементы традиционных религиозно-мифологических представлений, которые необходимо успеть зафиксировать и изучить.

Сказанное в полной мере относится к предпринятому в настоящей диссертации изучению одной из важнейших сторон мировоззрения русских Центрально-Черноземного региона – представлений о мифологических персонажах. Изучение персонажной системы низшей мифологии выбрано не случайно: именно демонологические верования «можно признать центральным стержнем всей системы мифологических представлений об устройстве мира, поскольку они пронизы-

² *Ожиганова А.А., Филиппов Ю.В.* Новая религиозность в современной России: учения, формы и практики. М.: ИЭА РАН, 2006. 300 с.; *Харитонова В.И., Ожиганова А.А., Купряшина Н.А.* В поисках духовности и здоровья (новые религиозные движения, неошаманизм, городской шаманизм). (Исследования по прикладной и неотложной этнологии № 207). М.: ИЭА РАН, 2008. 47 с.

вают все сферы, жанры и уровни архаического мировоззрения»³. Исследование этого материала предпринято ради уточнения ареальной специфики изучаемого региона.

Таким образом, в настоящей работе затронут ряд принципиально важных вопросов, требующих своего разрешения. Наиболее актуальные из них – ареальное изучение мифологических представлений и интерпретация данных о специфике мировоззрения в соотношении с ареальным делением территории. Это исследование выполнено с использованием комплексного подхода к характеристике такого сложного явления как мировоззрение мифологического характера и составляющие его компоненты.

Разработанность проблемы. Интерес к изучению духовной жизни русского народа зародился в конце XVIII – начале XIX века. Именно тогда были предприняты первые попытки собрать и привести в систему сведения о дохристианских представлениях русского крестьянства⁴.

С появлением во второй половине XIX – начале XX века обширных архивных фондов по этнографии русского народа, собранных сотрудниками Русского Географического общества, Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, «Этнографического бюро» В.Н. Тенишева, начинается изучение региональных и локальных особенностей русской мифологии. В трудах Д.Н. Ушакова⁵, С.В. Максимова⁶, В.И. Даля⁷, Д.К. Зеленина⁸ и других исследователей были выделены

³ *Виноградова Л.Н.* Южнорусские народные верования в контексте славянской традиционной культуры // Славянский альманах. 1997. М.: Индрик, 1998. С. 242.

⁴ *Чулков М.Д.* Абевера русских суеверий и идолопоклоннических жертвоприношений, свадебных простонародных обрядов, колдовства, шеманства и пр. М.: Тип. Ф. Гиппиуса, 1786. 326 с.; *Глинка Г.* Древняя религия славян. Митава: Тип. И. Ф. Штефенгагена, 1804. 151 с.; *Снегирев И.М.* Русские простонародные праздники и суеверные обряды. М.: Университетская типография, 1837–1839. Вып. 1–4; *Сахаров И.П.* Сказания русского народа о семейной жизни своих предков. СПб.: Тип. И. П. Сахарова, 1841–1849. Т. 1–2.

⁵ *Ушаков Д.Н.* Материалы по народным верованиям великорусов // Этнографическое обозрение (далее – ЭО). М., 1896. № 2–3. С. 146–204.

⁶ *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб.: Товарищество Голике и Вильворг, 1903. 528 с.

⁷ *Даль В.И.* Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. СПб.: Тип. М. О. Вольфа, 1879. Т. 1–2; *его же.* О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа. СПб., М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880. 148 с.

характерные особенности мифологических представлений населения южнорусских, северорусских, белорусских и украинских областей.

В 1950-е гг. в отечественной науке были заложены основы теории ареальных историко-этнографических исследований русской культуры. Один из пионеров в этой области, советский этнограф П.И. Кушнер в статье «О русском историко-этнографическом атласе» указал главные задачи и возможности этого направления научных исследований – изучение проблем этногенеза русских, межэтнических взаимосвязей, определение границ историко-этнографических областей⁹. За этим последовали многочисленные ареальные исследования русской народной культуры¹⁰.

Работу в рамках указанной проблематики, в том числе изучение фольклора и мифологических представлений, продолжили исследователи второй половины XX – начала XXI века: С.А. Токарев¹¹, Э.В. Померанцева¹², Л.А. Тульцева¹³, С.И. Дмитриева¹⁴, А.К. Байбурин¹⁵,

⁸ *Зеленин Д.К.* Великорусские говоры с неорганическим и непреходным смягчением заднебных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб.: Отделение рус. языка и словесности Имп. акад. наук, 1913. XIV. 544 с.; *его же.* Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки. Пг.: Изд-во А. В. Орлова, 1916. Вып. 1. 312 с.

⁹ *Кушнер П.И.* О русском историко-этнографическом атласе // Краткие сообщения Института этнографии АН СССР (Далее – КСИЭ АН СССР). М., 1955. Вып. 22. С.3–11.

¹⁰ *См., например: Маслова Г.С.* Опыт составления карт распространения русской народной одежды // КСИЭ АН СССР. М., 1958. Вып. 22. С. 12–22; Русские: Историко-этнографический атлас (Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда). Середина XIX – начало XX века. М.: Наука, 1967. 360 с.

¹¹ *Токарев С.А.* Религиозные верования восточнославянских народов...

¹² *Померанцева Э.В.* Мифологические персонажи в русском фольклоре. М.: Наука, 1975. 191 с.; *её же.* Межэтническая общность поверий и быличек о полуднице // Славянский и балканский фольклор (Генезис. Архаика. Традиции.) М.: Наука, 1978. С. 143–158.

¹³ *Тульцева Л.А.* Религиозные верования и обряды русских крестьян на рубеже XIX и XX веков: по материалам среднерусской полосы // СЭ. М., 1978. № 3. С. 31–46; *её же.* Традиционные верования, праздники и обряды русских крестьян. М.: Знание, 1990. 64 с.; *её же.* Средокрестный день русского аграрного календаря: мифосемантика обычаев и фольклорных образов // Очерки русской народной культуры. М.: Наука, 2009. С. 410–459; *её же.* Заговенье на Петров пост: этнокультурное наследие русских в образах Утушки, Костромы, Русалки-коня // Русские: этнокультурная идентичность. М.: ИЭА РАН. 2013. С. 237–262 и другие её работы.

¹⁴ *Дмитриева С.И.* Географическое распространение русских былин (по материалам конца XIX – начала XX в.). М.: Наука, 1975. 113 с.; *её же.* Фольклор и

В.И. Харитонова¹⁶, Н.А. Криничная¹⁷, Н.Е. Мазалова¹⁸, О.Б. Христофорова¹⁹ и другие. Специалистами, занимавшимися непосредственно

народное искусство русских Европейского Севера. М.: Наука, 1988. 239 с.; *её же*. Дохристианские народные верования // Русские: Народная культура. М., 2002. Т.5. С. 170–204 и *другие её работы*.

¹⁵ *Байбурин А.К.* Обряды при переходе в новый дом у восточных славян (конец XIX – начало XX в.) // СЭ. 1976. № 5. С. 81–87; *его же*. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. 188 с. и *другие его работы*.

¹⁶ *Харитонова В.И.* Принципы записи, архивного хранения и публикации русской несказочной прозы. Йошкар-Ола: МарГУ, 1989; *её же*. До питания про специфику продукування і побутовання неказкової прози у слов'янської фольклорній традиції // Проблеми слов'язознавства. Вып.43. Львів, 1990. С. 38–45; *её же*. Черная и белая магия славян. М.: Интербук, 1990. 51 с.; *её же*. Образы колдуна, ведьмы, знахаря у восточных славян в интерпретации Д. К. Зеленина и по современным данным // Вятский край в его прошлом и настоящем: тез. научн. конф. Киров, 1992; *её же*. «Избранники духов», «преемники колдунов», «посвященные учителями»: обретение магико-мистических свойств, знаний, навыков // ЭО. 1997. № 5. С. 16–35; *её же*. Колдун и знахарь в российской деревне // ВИТА. Традиции. Медицина. Здоровье. 1997. № 3. С. 2–5; *её же*. Наследование «дара» (знания) в колдовской традиции восточных славян // Материалы международного конгресса «Шаманизм и иные традиционные верования и практики» (Москва, 7–12 июня 1999). М.: ИЭА РАН, 1999. Ч. 2. С. 288–298; *её же*. «Шаманская болезнь» российских колдунов // Материалы международного конгресса «Шаманизм и иные традиционные верования и практики» (Москва, 7–12 июня 1999). М.: ИЭА РАН, 1999. Ч. 2. С. 185–197; *её же*. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян: проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. М.: ИЭА РАН, 1999. Ч. 1–2; *её же*. Из опыта «полевой работы» на семинарах «Центра по изучению шаманизма и иных традиционных верований и практик» (Фантастичен ли роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»?) // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 138–158 и *другие её работы*.

¹⁷ *Криничная Н.А.* Русская народная мифологическая проза: Истоки и полисемантизм образов: в 3 т. Т. 1. Былички, бывальщины, легенды, поверья о духах-«хозяевах». СПб.: Наука, 2001. 584 с.; *её же*. Русская мифология: Мир образов фольклора. М.: Академический проект, 2004. 1013 с.

¹⁸ *Мазалова Н.Е.* Этнографические аспекты изучения личности "знающего" (XIX – начало XXI в.). СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011. 304 с.; *её же*. Формирование "особого" знания // Медицинская антропология: проблемы, методы, исследовательское поле: Сб. статей / Отв. ред. В.И. Харитонова. Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ассоциация медицинских антропологов. М.: ООО "Публицити", 2015. С. 202–215 и *другие её работы*.

Южной Россией, было показано, что Южнорусская этнографическая зона имеет своеобразные черты как в материально-бытовой, так и в духовной культуре.

Широкий размах исследования по русской и славянской мифологии в целом получили с 80-х годов XX века, когда были составлены различные региональные сборники мифологических рассказов (быличек и бывальщин) и указатели мифологических мотивов²⁰, увидел свет целый ряд словарей и справочников по славянской (русской) мифологии²¹, появились труды, в которых анализировались особенности мифологической лексики²², были выпущены обобщающие исследования, посвященные русской мифологической традиции²³. Современный подход к изучению

¹⁹ Христофорова О. Б. Колдуны и жертвы: Антропология колдовства в современной России. М.: ОГИ, 2011. 431 с.; *её же*. Икота: мифологический персонаж в локальной традиции. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013 *и другие её работы*.

²⁰ Мифологические рассказы и легенды Русского Севера / сост. О.А. Черепанова. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. 209 с.; *Махрачева Т. В.* Народные представления об огненном змее в Тамбовской области // Живая старина. 2012. № 1. С. 19–21; *Криничная Н.А.* Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2011. 623 с.; *её же*. Мифология воды и водоемов. Былички, бывальщины, поверья, космогонические и этиологические рассказы Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии. Петрозаводск: Карельск. науч. центр РАН, 2014. 390 с. *и другие работы*.

²¹ Русский демонологический словарь / Авт.-сост. Т.А. Новичкова. СПб.: Петербургский писатель, 1993. 639 с.; *Власова М.* Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб.: Азбука, 2000. 669 с.; Славянская мифология: энциклопедический словарь / отв. ред. С.М. Толстая. М.: Международные отношения, 2002. 509 с.; Очерки традиционной культуры Ульяновского Присурья. Этнодиалектный словарь в 2-х т./Колл. авт.: И.С. Кызласова (Слепцова), А.П. Липатова, М.Г. Матлин, И.А. Морозов и др. М.: Индрик, 2012. Т. 1. 656 с.; Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012. Т. 1–5.

²² *Черепанова О.А.* Мифологическая лексика Русского Севера. Л.: Изд-во Ленинградского гос. ун-та, 1983. 167 с.; Традиционная культура Пермского края в зеркале лексики и фразеологии: монография / под общ. ред. И.И. Русиновой. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014. 300 с. *и другие работы*.

²³ *Козлова Н.К.* Восточнославянские былички о змее и змеях. Мифический любовник: Указатель сюжетов и тексты. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2000. 261 с.; *Криничная Н.А.* Русская народная мифологическая проза...; *её же*. Русская мифология...; Русские Рязанского края / отв. ред. С.А. Иникова. М.: Индрик, 2009. Т. 2. 748 с.; Калашников В. Русская демонология. М.: Ломоносовъ, 2014. 208 с. *и другие работы*.

несказочной прозы предложил К.Э. Шумов²⁴. Для дифференциации разных сюжетных составляющих огромного комплекса устной несказочной прозы ученый применил компьютерные возможности, что позволяет быстро и точно работать с многочисленными данными. Эти исследования содержат множество ценных материалов и выводов по изучаемой теме.

О необходимости использования методов ареалогического изучения – выявления и картографирования диалектных разновидностей фрагментов традиционной культуры в разных зонах славянского мира – неоднократно заявляли ученые Московской этнолингвистической школы²⁵, созданной Н.И. Толстым. Их труды представляют несомненную значимость для нашей работы²⁶. Важным

²⁴ Шумов К.Э. Современное состояние жанров народной несказочной прозы в Чердынском районе Пермской области // Фольклор Урала. Свердловск : Урал. гос. ун-т, 1989. Вып. 10: Современный русский фольклор промышленного района. С. 48–59; *его же*. Современное состояние былички в Северном Прикамье. Опыт машинного анализа сюжетного состава локальной традиции: автореферат дисс. ... к. филол. н. Екатеринбург, 1993. 16 с.

²⁵ Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. С. 47; Толстая С.М. Географическое пространство культуры // Живая старина. 1995. №4. С. 2–6; *Виноградова Л.Н.* Южнорусские народные верования... С. 234.

²⁶ Толстая С.М. Славянские мифологические представления о душе // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М.: Индрик, 2000. С. 52–96; *её же*. Полесские поверья о ходячих покойниках // Восточнославянский этнолингвистический сборник: исследования и материалы. М.: Индрик, 2001. С. 151–205; *Виноградова Л.Н.* Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. М.: Индрик, 2000. 432 с., *её же*. Народные представления о происхождении нечистой силы: демонологизация умерших // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М.: Индрик, 2000. С. 25–52; *её же*. Славянская народная демонология: проблемы сравнительного изучения. Автореф. дисс. ... д. филол. н. М.: РГГУ, 2001. 92 с.; *Левкиевская Е.Е.* Мифологический персонаж: имя и образ // Славянские этюды: Сборник к юбилею С.М. Толстой. М.: Индрик, 1999. С. 243–257; *её же*. Славянский оберег. Семантика и структура. М.: Индрик, 2002. 336 с., *её же*. Мифы русского народа. М.: АСТ-Астрель, 2004. 528 с.; *Агапкина Т. А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря: весенне-летний цикл. М.: Индрик, 2002. 814 с.; *Топорков А. Л.* Миф: традиция и психология восприятия // Мифы и мифология в современной России. М.: Фонд Фридриха Науманна, 2000. С. 39–64; *его же*. Мотив «чудесного одевания» // Заговорный текст: Генезис и структура. М.: Индрик, 2005. С. 143–174; *Плотникова А. А.* «Видимая» и «невидимая» нечистая сила: мифологические образы у балканских славян // Признаковое пространство культуры. М.: Индрик, 2002. С. 128–155 и *другие их работы*.

является четырехтомное издание материалов Полесского архива, осуществленное Л.Н. Виноградовой и Е.Е. Левкиевской²⁷. Эти данные необходимы нам, в том числе, и для выявления аналогий тех или иных сюжетов южнорусских мифологических нарративов с украинскими и белорусскими (в настоящей работе используются первые два тома).

Среди научных трудов конца XX – начала XXI столетия большое значение для нашего исследования имеют работы В.И. Дынина, в которых были прослежены региональные различия между севернорусским и южнорусским комплексами религиозно-мифологических представлений XIX – XX века²⁸. Ученый также указал на некоторые особенности «Верхнеокской» и «Нижеволжской» зоны южнорусских народных верований²⁹.

Объектом диссертационного исследования является традиционная культура и мировоззрение русского населения Центрально-Черноземного региона, входящего в состав Южнорусской историко-культурной зоны.

Предметом изучения стали мифологические представления русских Центрально-Черноземного региона, рассмотренные на основе анализа мифологических персонажей («низшей» мифологии).

Цель настоящего исследования заключается в выявлении ареалов распространения и ареальной специфики мифологических воззрений путем сравнительного анализа мифологических представлений русских Центрально-Черноземного региона в период конца XIX – начала XXI века, уточнения локальной специфики этих представлений и их трансформации к XXI веку в контексте этнокультурной истории данной территории. Именно эта область народных представлений и верований образует важнейший содержательный стержень всей традиционной культуры, сохраняя «наибо-

²⁷ Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80 – 90-х гг. XX века. Т. 1: Люди со сверхъестественными свойствами / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М.: Языки славянских культур, 2010. 648 с., Т. 2: Демонологизация умерших людей / сост. Л.Н. Виноградова, Е.Е. Левкиевская. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 800 с.

²⁸ Дынин В.И. Когда расцветает папоротник: народные верования и обряды южнорусского крестьянства XIX – XX веков. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. 223 с.; *его же*. Народные верования русских Европейской части России XIX – XX веков: Сравнительно-географическое исследование. Воронеж: Истоки, 2004. 228 с.

²⁹ *Его же*. Народные верования русских Европейской части России... С. 146–148.

лее значимые с мифологической точки зрения и поразительно устойчивые элементы архаической этнокультурной информации»³⁰.

Цель исследования обуславливает его конкретные задачи:

1) рассмотреть историю заселения региона и формирование этнокультурных особенностей его населения; 2) выявить характерные особенности персонажей мифологической системы русских Центрального Черноземья по состоянию на конец XIX – начало XX века; 3) изучить локальную специфику народных представлений, связанных с мифологическими персонажами у разных историко-культурных групп русских указанного региона; 4) выявить ареалы распространения конкретных мифологических персонажей в конце XIX – начале XX века, картографировать их и сопоставить полученные результаты с данными других ареальных исследований традиционно-бытовой культуры изучаемого населения; 5) рассмотреть трансформации представлений о мифологических персонажах у русских исследуемого региона на протяжении XX и в начале XXI века, а также выявить степень их сохранности в современной повседневно-бытовой культуре сельского населения.

Территориальные рамки исследования охватывают Центрально-Черноземный регион. Согласно административному делению конца XIX – начала XX века, существовала Центральная Земледельческая область, в состав которой были включены Рязанская, Тульская, Калужская, Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская губернии³¹. В 1928 г. на территории бывших Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерний была образована Центрально-Чернозёмная область с центром в городе Воронеже. В 1934 г. область упразднили, однако, условное административное деление и выделение региона сохранилось. На сегодняшний день Центрально-Черноземный регион включает в себя Воронежскую, Курскую, Тамбовскую, Липецкую, Белгородскую области, а под этим названием подразумевают экономический район. С точки зрения этнографического районирования, он входит в Южнорусскую историко-культурную зону.

Хронологические рамки работы охватывают конец XIX, XX и начало XXI века. Современные мифологические представления населения Центрального Черноземья часто включают в себя очень архаичные элементы, зафиксированные источниками периода XIX – начала XX века. К XXI веку некоторые из них продолжили (главным образом в трансформированном виде) свое существование.

³⁰ *Виноградова Л.Н.* Славянская народная демонология... С. 1.

³¹ Волости и важнейшие селения европейской России : Губернии центральной земледельческой области. СПб.: Центр. стат. комитет, 1880. Вып. 1. [2]. 48 с.

Методология и методы исследования, использованные при разработке настоящей темы, относятся к двум основным уровням: сбор фактического материала; его интерпретация и анализ. Изучение религиозно-мифологических представлений, безусловно, предполагает комплексный подход к проблеме с использованием, как минимум, сравнительно-исторического, историко-типологического, историко-генетического, картографического методов. Ареальное изучение, к которому мы прибегаем в настоящей работе, достигается с помощью выбора определенных мифологических персонажей, выявления их наличия или отсутствия в отдельных зонах, описания их территориальных разновидностей (характеристика по форме, содержанию и функциям).

Типологический метод предполагает создание типологических схем, позволяющих проанализировать локальные различия в системе мифологических представлений русских Центрального Черноземья.

Сравнительно-исторический метод дает возможность проследить хронологический возраст тех или иных элементов мифологических представлений, выявить вероятные заимствования. Картографический метод был использован для целей этногеографического анализа отдельных элементов мифологических представлений в Южнорусской историко-культурной зоне.

Теоретическая и практическая значимость работы. Полученные в результате проведенного исследования данные могут быть использованы для дальнейшего комплексного изучения традиционно-бытовой культуры русского народа, для разработки спецкурсов и других научно-методических работ, в лекционной деятельности, в работе школьных этнографических кружков, в научных и общественных дискуссиях по проблемам народной культуры.

Источниковая база исследования. При разработке темы были использованы различные этнографические, фольклорные и лингвистические источники. К числу *фольклорно-этнографических источников* относятся: поверья и суеверия, дающие основную массу сведений о мифологических персонажах, календарные и семейно-бытовые обряды, ритуально-магические действия, запреты и соционормативные предписания. *Лингвистические источники* дают ценный материал для изучения мифологических персонажей в представлениях русских. Прежде всего, это лексика, связанная с фольклорно-мифологической сферой: наименования персонажей, их сверхъестественных свойств, действий и т.п. Важными для работы явились собственно *фольклорные материалы* (тексты быличек и бывальщин, легенд и отчасти преданий), в которых сохранилось большое число архаичных сюжетов и мотивов.

В проводимом исследовании автор в значительной степени опиралась на собственные полевые материалы, собранные во время студенческой практики (2003 г.) в Тамбовской области и при самостоятельных выездах в Таловский район Воронежской области (2007 – 2008 гг.). Комплекс данных, полученных в ходе этих работ, включает материалы по современному состоянию мифологической традиции у сельского населения указанных районов.

Важнейшей составляющей диссертационного исследования стали фольклорные, этнографические и лингвистические материалы, собранные в различных архивах, а именно:

1) лаборатории «Этнография Центрально-Черноземных областей России» при Воронежском государственном университете (материалы собирались в 1995–2005 гг. с целью фиксации первоначальных этнографических сведений для выяснения степени сохранности традиционных элементов духовной культуры в представлениях современного сельского населения Центрального Черноземья);

2) кафедры теории литературы и фольклора Воронежского государственного университета (материалы собирались по центрально-черноземным областям в 1990-х – начале 2000-х гг.; они отражают современное состояние фольклорно-мифологической традиции в изучаемом регионе);

3) архива Кабинета народной музыки Воронежской государственной академии искусств (ВГАИ) (материалы собраны в Воронежской, Белгородской, Курской и Липецкой областях в 1990 – начале 2000-х гг. сотрудниками кафедры этномузыкологии ВГАИ; сделанные записи касаются различных сторон традиционно-бытовой культуры сельского населения рассматриваемых областей и показывают отражение традиционных представлений и бытование мифологических персонажей в современных обычаях, обрядах, песенно-музыкальном творчестве);

4) архива Кафедры русского устного народного творчества Московского государственного университета (материалы собраны участниками фольклорных практик МГУ 1970 – 1980-х гг. в южно-русских областях; они представляют собой записи быличек и бывальщин о ряде персонажей южнорусской мифологии);

5) архива Русского Географического общества (РГО) (г. Санкт-Петербург) (материалы представляют собой присланные в РГО ответы на вопросы анкеты Н. Надеждина, касающейся различных сторон простонародной культуры и быта крестьян ряда губерний Южно-русской историко-культурной зоны; они содержат богатые фольклорно-этнографические данные, позволяющие исследовать бытова-

ние и особенности религиозно-мифологической традиции южнорусского населения в середине XIX века);

б) архива Российского Этнографического музея (РЭМ) (г. Санкт-Петербург), фонда 7 («Этнографическое бюро» князя В.Н. Тенишева) (коллекции содержат данные о народных верованиях русского населения Европейской части России конца XIX – начала XX века);

в) архива Института этнологии и антропологии РАН, фонда Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ) (Москва) (основная масса этих документов содержит сообщения о мифологических представлениях крестьянства, бытовавших во второй половине XIX – начале XX века в Курской, Тульской, Рязанской и Саратовской губерниях).

Кроме архивных источников, богатый фактический материал по народной культуре населения Центрального Черноземья содержится в публикациях различных журналов и периодических изданий конца XIX – начала XX столетия («Этнографическое обозрение», «Живая старина» и других). В этих изданиях местными краеведами было опубликовано немало статей, посвященных русским народным верованиям и содержащих сведения о мифологических представлениях южнорусского крестьянства.

Научная новизна работы. В диссертационном исследовании, относящемся к области исторической этнографии, впервые на материалах Южнорусской зоны путем комплексного анализа полевых и архивных источников выявляются ареалы распространения представлений об определенных мифологических персонажах, их бытовании, функционировании, степени сохранности в конце XIX – XX веке и рассматривается состояние этих представлений в начале XXI столетия. Исследование материалов – также впервые в отношении этой зоны – проведено комплексно. Комплексный анализ в нашем случае включает этнографические, фольклористические, лингвистические, археологические, антропологические аспекты исследования. При выявлении региональных и локальных мифологических представлений использован метод картографирования данных по мифологическим персонажам. Впервые в научный оборот вводятся новые фольклорно-этнографические материалы русских Южнорусской историко-культурной зоны, собранные в процессе полевых экспедиционных исследований 1990-х – начала 2000-х гг.

Положения, выносимые на защиту:

1. Комплекс представлений о мифологических персонажах населения Центрального Черноземья отличается от аналогичных

представлений населения других регионов или групп русского народа, имеет свои региональные и локальные особенности.

2. Специфика представлений об этих персонажах в Южно-русской историко-культурной зоне обусловлена целым рядом факторов, в числе которых: природные условия, формы хозяйственной деятельности и быта, этническая история и длительное культурно-историческое взаимодействие местного населения с другими этническими группами.

3. Локальные особенности мифологических представлений русских Центрально-Черноземного региона коррелируют с группами говоров южнорусского наречия, антропологическими типами изучаемого населения, а также вариантами его традиционно-бытовой культуры.

Апробация исследования. Основные положения диссертационного исследования были изложены автором в докладах на IX (Воронеж, 2008) и X (Воронеж, 2009) научных конференциях «Этнография Центрального Черноземья России», на научных конференциях молодых ученых «Историко-культурное наследие и современная этнология» (Москва 2010), «Культурные границы и границы в культуре» (Москва, 2012), в выступлении на заседании отдела русского народа Института этнологии и антропологии РАН в 2013 году, а также в ряде публикаций.

Структура и основное содержание диссертационной работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, списка сокращений и приложений. В приложениях размещены 17 схематических карт и 3 таблицы, иллюстрирующие основной текст.

Во *введении* обосновывается актуальность, новизна, практическая значимость работы, формулируется цель и задачи исследования, определяются хронологические и географические рамки, дается характеристика источников и историографический обзор по теме, излагаются методологические основы и методика исследования, структура диссертации, сведения об апробации ее основных положений.

Диссертация структурирована сообразно ее цели и задачам. В *первой главе* «**Центральное Черноземье: этническая история и формирование населения**» рассматривается история заселения региона, специфика миграционных и этнических процессов, в ходе которых сформировалось население Черноземья и его культурные тра-

диции, базирующиеся, в том числе, на представлениях мифологического характера, рассматриваемых в работе.

Анализ топонимии региона показывает, что он является «стыковой» зоной, где сходятся несколько топонимических пластов, имеющих разную хронологическую глубину³². Область балтийской гидронимии охватывает весь бассейн реки Десны и правобережье ее левого притока Сейма, а низовье Десны и поречье Сейма выделяются исследователями как «область балто-иранского пограничья»³³. Ареал древнемордовских племен охватывал в I тыс. н.э. бассейны рек Оки, Цны, Мокши, Суры и Волги (в ее среднем течении)³⁴. Данные топонимии указывают также на большое число в пределах Рязанской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской областей финно-угорских названий, выводимых из мордовских языков³⁵.

Появление восточных славян на исследуемой территории относится к середине I тыс. н.э. Из письменных источников и уточняющих их археологических данных известно, что *вятичи* обитали в бассейне верхней и средней Оки и по ее притокам, *северяне* – на Десне, Ворскле, Сейме и по левым притокам Днепра, а племенная группировка, условно называемая *донскими славянами*, – на Дону³⁶.

После монголо-татарского нашествия в начале XIII века южно-русские степи обезлюдили и получили название «Дикого Поля». Однако во многом традиционное для исторической науки XIX – начала XX столетия предположение о практически полном отсутствии на территории региона в это время славянского населения не представляется бесспорным. По данным диалектологических и этнографических особенностей населения Южнорусской зоны в его составе выявляется наличие ряда локальных этнокультурных групп, возможно, связанных по происхождению с местным домонгольским славянским населением³⁷.

³² Дынин В.И. Неславянская топонимия Центрального Черноземья // Этнография Центрального Черноземья России : сборник научных трудов. Воронеж, 2004. Вып. 4. С. 25.

³³ Топоров В.Н. Трубачев О.Н. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 230–232.

³⁴ Мокшин Н.Ф. Мордовский этнос. Саранск: Мордовское книжное изд-во, 1989. С. 28.

³⁵ Загоровский В.П. Историческая топонимика Воронежского края. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1973. С. 27–29; Дынин В.И. Неславянская топонимия... С. 25–28.

³⁶ Седов В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. М.: Наука, 1982. С. 143, 147–151.

³⁷ Титова О.Ю. Локальные группы русского населения южнорусской этнографической зоны // Берегиня. 777. Сова. Воронеж, 2013. №1. С. 8.

Важным событием, ускорившим заселение Центрального Черноземья, явилось создание оборонительных линий, начавшееся после свержения золотоордынского ига (1480 г.). Их строительство продолжалось весь XVI век, и было завершено в первые десятилетия XVIII столетия³⁸. Колонизация «Дикого Поля», проходившая на разных этапах в различных формах (вольная, правительственная, помещичья, монастырская), явилась сложным историко-социальным процессом. Освоение региона состояло в смещении русского населения из более заселенных северных и западных районов к югу³⁹, при этом исследователи отмечают некоторую специфику в колонизации его западной и восточной частей. Так, в заселении южнорусских земель по левобережью Дона более активное участие принимали выходцы из рязанских, тульских, орловских городов и уездов. Их этнический состав, в свою очередь, был результатом взаимодействий потомков раннего славянского населения, впитавших элементы угро-финской культуры, с более поздними мигрантами, среди которых были выходцы из московских и замосковных уездов⁴⁰. В освоении же западной части региона существенную роль оказали переселенцы из соседних западных и южнорусских районов (бассейн верховий Оки и Десны). В этих более древних по времени заселения землях взаимодействовали потомки древнего населения домонгольского периода с более поздними выходцами из центральных и южных районов России⁴¹.

Эти этносоциальные процессы обусловили неоднородность населения Южнорусской историко-культурной зоны, в составе которого сформировались различные по происхождению локальные группы, отличавшиеся названиями (или самоназваниями), языковыми и культурными особенностями⁴².

На сложный характер протекания этнокультурных процессов в регионе оказало влияние и этническое окружение русских. На северо-западе его территория смыкается с этнической территорией белорусов, на западе и юге – с ареалом расселения украинцев. Украинцы длительно проживают в соседстве с русскими в целом ряде Цент-

³⁸ *Титова О.Ю.* Локальные группы русского населения южнорусской этнографической зоны... С. 9.

³⁹ *Чижикова Л.Н.* Этнокультурная история южнорусского населения // ЭО. 1998. № 5. С. 34.

⁴⁰ *Её же.* Русско-украинское пограничье: История и судьбы традиционной бытовой культуры. М.: Наука, 1988. С. 59.

⁴¹ Там же. С. 34.

⁴² *Титова О.Ю.* Локальные группы русского населения южнорусской этнографической зоны... С. 12.

рально-Черноземных областей: в Воронежской, Белгородской, Курской и других. В отдельных районах Рязанской и Тамбовской областей чересполосно с русскими оказалась мордва. На востоке, юго-востоке русские соседствуют и сейчас с тюркоязычными татарами.

Все это привело к формированию «пестрого» по составу населения изучаемого региона, что не могло не отразиться на его духовной культуре, одна из составляющих которой – мифологические представления – рассматриваются нами в следующих главах диссертации.

Вторая глава диссертации «Особенности мифологических представлений у русских Центрально-Черноземного региона и их трансформация в конце XX – начале XXI века» посвящена анализу мифологических представлений, связанных с образами мифологических персонажей, распространенных среди населения Центрального Черноземья, в частности, и Южнорусской историко-культурной зоны, в целом.

При описании мифологические персонажи изучаемого региона конца XIX – начала XXI века подразделяются нами на две большие категории: 1) персонажи, имеющие общее южнорусское распространение, и 2) локально специфичные мифологические образы. Характеристика персонажей первой категории дается по принципу места их обитания (персонажи, не имеющие определенной локализации; персонажи природного пространства; персонажи, обитающие в зоне пространства «дом»). Отдельно в работе рассматриваются «реальные персонажи, имеющие ирреальные черты и свойства»⁴³ – *ведьмы* и *колдуны*, способные, согласно мифологическим нарративам изучаемого населения, контактировать сразу с двумя мирами: реальным и потусторонним. Далее дается характеристика персонажей второй категории, представления о которых встречались не повсеместно, а только в отдельных районах изучаемого региона. Особое внимание уделяется степени сохранности и трансформации таких представлений в XXI веке.

Любой персонаж, имеющий отношение к народным верованиям в разных локальных традициях, может иметь различные наименования, внешний облик, наборы функций и т.д., чем объясняется потребность описания демонологических представлений, в том числе, и через указатель присущих им функций⁴⁴. Для своего исследования мы выбираем несколько основных групп признаков и функций южнорусских мифологических персонажей, позволяющих дать их сравнительно-географическую характеристику. Используются: набор и наимено-

⁴³ Черепанова О. А. Мифологическая лексика Русского Севера... С. 15.

⁴⁴ Виноградова Л.Н. Славянская народная демонология... С. 20.

вания (мифонимы) персонажей; визуально-акустические особенности, специфика места и времени их появления; акциональные характеристики, включая типичные занятия и функции.

Осуществленный в главе анализ материалов показывает, что представления населения изучаемого региона конца XIX – начала XX века о мифологических персонажах крайне разнообразны. Отдельные их элементы имеют исключительно южно-русский характер, другие в той или иной мере присущи и русским других регионов. Произведенное в диссертации картографирование наглядно демонстрирует локализацию некоторых компонентов таких представлений в пределах западной и восточной частей изучаемого региона. Вариативность обнаруживается уже в самом наборе персонажей, их номинациях, а также в присущих им визуальных, акциональных и акустических характеристиках.

Проведенное исследование позволяет говорить и об определенных различиях между южнорусскими мифологическими представлениями конца XIX – начала XX века, а также второй половины XX – начала XXI столетия. В целом, множество рассмотренных нами мифологических персонажей продолжает жить в представлениях людей. Однако образы некоторых из них со временем были утрачены, другие же бытуют в трансформированном виде и лишь основные «традиционные» характеристики немногих сохранились до настоящего времени практически в неизменном виде (по сравнению с данными начала XX века).

В третьей главе «Этнокультурная специфика представлений о мифологических персонажах русского населения Центрального Черноземья» проделан сравнительно-исторический анализ отдельных аспектов мировоззрения русских и выявленные различия (на уровне мифологических персонажей, их характеристик, функций и др.) подтверждены с помощью метода картографирования, позволившего четко выделить ареалы их распространения. Проведено сопоставление полученных результатов с результатами других ареальных исследований традиционно-бытовой культуры населения Южнорусской историко-культурной зоны.

Выявленная в предыдущей главе узкая локализация многих компонентов мифологических воззрений изучаемого региона служит основанием для выделения внутри южнорусского мифологического комплекса двух локальных вариантов – *западного* и *восточного*, специфика которых подробно рассматривается нами в данной главе диссертации.

Западный вариант мифологических представлений населения Южнорусской историко-культурной зоны охватывает территорию,

лежащую преимущественно к западу от верхнего и среднего течения р. Дон в пределах Калужской, Брянской, Орловской, Тульской, Курской, Белгородской областей. В числе мифологических персонажей, обнаруженных исключительно или преимущественно на этой территории: *блуд, лесовиха, боровик, моховик, межевой, луговой, колодезный, дворовой, кикимора, банный, овиный, святочница, химвялян*. Некоторые из них (как, например, *лесовиха, боровик, моховик, дворовой, кикимора, банный, овиный*) более характерны для мифологических представлений русских других регионов (в первую очередь, для севернорусского населения) и не являются типичными для южнорусской мифологии. Другие же (*межевой, святочница, химвялян*) – принадлежат западно-южнорусской локальной традиции.

Показано, что специфика мифологических представлений населения этой части Южнорусской зоны находит свое яркое выражение в поверьях, быличках и бивальщинах, связанных с цветовой символикой, морфологией, метаморфозами целого ряда мифологических персонажей. Для данного варианта мифологии характерны также отдельные мифонимы, применяемые для обозначения персонажей, нетипичные для этих образов в других локальных южнорусских традициях. Отмечено, что в рамках западного варианта южнорусской мифологии явно специфичны отдельные мифологические представления полехов Калужской, Смоленской и Орловской губерний.

Очевидно, что целый ряд представлений, локально ограниченных этой зоной, находит аналогии в севернорусской мифологической традиции, а именно: некоторые мифонимы (например, *еретик*, обозначающий колдуна), метаморфозы персонажей, в частности, *лешего* (его способность принимать *женское обличье, фитоморфные* превращения). Выявлено также, что представления о черном цвете тела (часто фигурирующие в севернорусских поверьях), относящиеся к *лешему* и *полевому*, отмечены исключительно в западных губерниях региона.

Проведенное исследование показывает, что в выделенном западно-южнорусском варианте обнаруживается немало схожих черт с представлениями украинцев и белорусов. Особенно это касается мифологических образов *ведьмы* и *колдуна* (в меньшей степени).

Далее в этой главе рассмотрен *восточный вариант мифологических представлений населения Южнорусской историко-культурной зоны*, охватывающий территорию, лежащую к востоку от верхнего и среднего течения Дона в пределах Рязанской, Липецкой, Воронежской, Тамбовской, Пензенской областей. Данный вариант характеризуется преобладанием общеевропейских особенностей. Однако кроме типичного набора персонажей, здесь наблюдается и

некоторое количество других мифологических образов: *вихрь*, *дикинские мужички*, *коловерши*, *колокольный мертвец*, *еретица*, представленных преимущественно у населения крайней восточной зоны региона. Здесь также выявлены отдельные локализмы в наименованиях, применяющихся для обозначения ряда персонажей, специфичные поверья об их метаморфозах и функциях. Отмечено, что в рамках восточного варианта своеобразием отличаются мифологические представления русской мещеры.

Осуществленный анализ материалов позволяет говорить, что в восточно-южнорусских представлениях прослеживается существенное влияние финно-угорской и тюркской мифологий; это проявляется как в специфических наименованиях персонажей, так и в наборе присущих им свойств. Так, например, мифоним *шайтан*, обозначающий *черта*, явно заимствован из финно-угорской и тюркской мифологии, наименование колдуна *акудесник/акудник* и ведьмы – *акудница*, предположительно могут быть связаны с финно-угорскими языками.

Анализ полевых этнографических материалов конца XX – начала XXI века показывает, что многие мифологические образы вплоть до настоящего времени сохраняют свои традиционные черты, но есть и такие персонажи, персонификация которых постепенно утрачивается. Это, прежде всего, *покойник*, *водяной*, *леший*, *полевой*. Зачастую для их обозначения (как, впрочем, и многих других) используются обобщающие наименования «*нечистая сила*», *враг*, *черт*, и подчас трудно определить, о каком именно персонаже идет речь в том или ином рассказе.

Весьма своеобразными являются современные представления о *домовом*: он сохраняет, по большей части, свои традиционные черты, в то же время ему приписываются способности, незафиксированные в материалах конца XIX – начала XX века. Так, например, особый способ *предсказаний* данного персонажа представлен в этнографических материалах начала 2000-х гг. из Воронежской области – *домовой*, предвещающая несчастье, образует на потолке *мокрое пятно*, *летит с потолка*. Еще большее внимание привлекают рассказы жителей Липецкой и Воронежской областей, в которых наблюдается противопоставление двух особых «домовых» персонажей, обитающих в доме. Один из них – *хозяин*, благодетельное существо, оберегающее дом; второй – собственно *домовой*, выступающий как представитель *нечистой силы*.

Современные материалы наглядно демонстрируют, что наиболее устойчивыми в народных представлениях оказались образы *ведьмы* и *колдуна*, сохранившие вплоть до настоящего времени свои «традици-

онные» черты: не исключено, что это стимулируется современным интересом населения к магико-мистическим знаниям, активно транслируемым, в том числе, через СМИ, ТВ и популярную литературу. Данные фольклорно-этнографических исследований в Центрально-Черноземных областях России свидетельствуют о расширении народных представлений о вредоносной деятельности этих персонажей, что может происходить и в результате смешения функций различных мифологических персонажей в процессе разрушения традиции. Помимо типичных для конца XIX века представлений о *порче людей, скота и урожая*, в настоящее время встречаются рассказы о том, что *колдун может испортить автомобиль, задушить спящего или зацепокотать человека до смерти* и т.д. Сопоставление имеющихся в нашем распоряжении современных полевых материалов по Центральному Черноземью с материалами Полесских экспедиций 70-х – 90-х гг. XX века показывает, что в образе современной южнорусской *ведьмы* появилось и множество других, незафиксированных ранее характеристик, присущих украинской и белорусской ведьме (*отбирание ведьмой молока в зооморфной ипостаси (ужа)* и проч.).

Также отмечено, что прослеживается влияние финно-угорской мифологии в современных нарративах восточной части Центрального Черноземья. Это касается, в первую очередь, зафиксированных в Тамбовской и Воронежской областях поверий о *вихре (Вихрь-Иваныче)*, широко распространенных и в других регионах. Данный персонаж, на наш взгляд, может быть сопоставлен с аналогичными персонажами традиционной мордовской мифологии, как *Варма-ава* и соответствующий ей мужской персонаж (*Варма-атя*).

Центральное место в главе занимает сопоставление выявленных нами ареалов южнорусской мифологии с результатами диалектологических, антропологических и этнографических исследований, в разное время проводившихся в Южнорусской историко-культурной зоне. Данные схематических карт, помещенных в приложении к работе, показывают, что западный и восточный варианты мифологических представлений изучаемого региона коррелируют с говорами южнорусского наречия, выделяемыми диалектологами. Так, территория *восточного ареала распространения южнорусских мифологических представлений* в целом соответствует восточной (рязанской) группе говоров. Что же касается *западного варианта южнорусских мифологических представлений*, то он располагается на территории преимущественного распространения различных «западных» групп говоров южнорусского наречия.

Выявляется и определенная корреляция локальных вариантов мифологии с антропологическими типами в составе населения Южнорусской зоны. Выделенный в диссертации *западный вариант мифологических представлений* соответствует географической зоне верхнеокского антропологического типа. Ареал *восточного варианта* лежит преимущественно в пределах распространения трех других антропологических типов (дон-сурского, степного и средне-волжского).

Раскрытая в работе специфика вариантов мифологических представлений, характерных для данного региона, находит свои аналоги и применительно к народному костюму населения Южнорусской зоны XIX – начала XX века. Исследователи отмечают, что в западной ее части сохранялись общие черты с костюмом белорусов и украинцев, тогда как в костюме восточной части прослеживалось влияние культурных связей русских с народами Поволжья⁴⁵.

Таким образом, сопоставление фольклорно-этнографических, антропологических и диалектологических данных периода конца XIX – начала XX века показало наличие в южнорусском пространстве и, в частности, на территории Центрального Черноземья, двух больших историко-культурных ареалов: *западного* и *восточного*, приблизительной границей между которыми служит верхний и средний Дон. Население *западного ареала Южнорусской зоны* антропологически едино, но чрезвычайно разнообразно в диалектологическом отношении. Это диалектологическое разнообразие обеспечивается присутствием большого числа локальных историко-культурных групп, сосредоточенных в западной части Южнорусской зоны, проживающих в непосредственной близости от белорусского и украинского населения. Хранителями западного варианта южнорусских мифологических воззрений являлись преимущественно архаичные группы населения изучаемого региона (полехи, горюны, саяны), которые по своему происхождению, вероятно, связаны с древним восточнославянским населением региона. Проведенное исследование позволяет предположить, что здесь сохранилось гораздо больше архаических черт, восходящих к древнерусской мифологии, чем в иных местах. На это указывает, в том числе, наличие ряда мифологических персонажей (*боровик, моховик, банный*), присутствующих как в западно-южнорусском ареале (в первую очередь у полехов Калужской и Орловской губерний), так и у русских других мест (в частности, у северных русских). Сохранение таких персонажей в непо-

⁴⁵ Русские: Историко-этнографический атлас... М.: Наука, 1967. С. 257.

средственной близости к украинскому и белорусскому Полесью приводит к предположению об их древности и исконности.

Восточный ареал Южнорусской историко-культурной зоны достаточно единообразен в диалектологическом, антропологическом и этнокультурном отношении. Из архаичных историко-культурных групп русского населения здесь выделяются: цуканы (преимущественно в левобережных районах Среднего Дона) и русская мешера (на севере региона). Последняя сохраняла чрезвычайно специфичные мифологические представления. Основную же массу населения восточного ареала Южнорусской зоны составляли разные группы однодворцев и помещичьих крестьян. Территориально ареал примыкает к Среднему Поволжью, где русское население живет в соседстве с разными группами финно-угорского и тюркского населения. Мифологические представления южнорусского населения восточного ареала обладают меньшим числом архаичных форм и элементов, по сравнению с западным ареалом. В то же время, можно предположить, что специфика мифологических представлений этого населения отчасти является следствием влияния мифологий восточных народов.

Заключение

Анализ материалов, использованных в настоящем исследовании, привел к следующим наблюдениям и выводам.

Древние мифологические представления в видоизмененных формах продолжали существовать в сознании и отображаться в фольклоре русских не только в конце XIX – начале XX века, но и значительно позже. Они дожили до наших дней, имея ряд региональных и локальных вариантов. Одним из специфических региональных вариантов являются мифологические представления южнорусского населения. Отличие мифологии этого населения от таковой у русских других регионов обусловлено их разной этнической историей, выразившейся в характере этнических и миграционных процессов, ставших следствием природно-географических, социально-экономических, исторических условий.

Сложные этнососоциальные и политические процессы привели к формированию изучаемого нами населения, неоднородного по своему этническому, сословному составу, обладающего определенными специфичными чертами в диалектологическом, антропологическом и культурном отношениях. Этим же было обусловлено и мировоззрение южнорусского населения и, в частности, его мифологические представления. Анализ фольклорно-этнографических и диалектологических материалов, связанных с «низшей» мифологией, позволил выде-

лить круг различавшихся и по своему содержанию, и по времени своего возникновения представлений.

В синхронном плане южнорусская мифология представлена рядом вариантов, бытовавших на разных территориях изучаемого региона. Проведенный анализ локальной специфики поверий о мифологических персонажах периода конца XIX – начала XX века дал возможность выделить в пределах рассматриваемого региона два ареала, где распространены представления, довольно существенно различающиеся набором персонажей, их наименованиями, визуальными и функциональными характеристиками. *Западный вариант*, охватывающий главным образом территорию к западу от верхнего и среднего течения р. Дон в пределах современных Курской, Белгородской, Калужской, Брянской, Орловской, Тульской областей, характеризуется некоторыми локальными особенностями мифологических представлений, нетипичными для основной части Южнорусской зоны, но их аналоги имеются в севернорусских материалах. Более того, в сюжетах многих нарративов населения этой части региона наблюдаются устойчивые параллели с представлениями, характерными для мифологических традиций украинцев и белорусов. *Восточный вариант* южнорусских мифологических представлений распространен к востоку от верхнего и среднего течения Дона в пределах современных Липецкой, Воронежской, Тамбовской, Рязанской, Пензенской областей. Некоторые признаки мифологических представлений данного варианта зафиксированы в поверьях русского населения ряда районов Поволжья. Кроме того, в представлениях русских бывших Тамбовской, Пензенской губерний отмечается влияние финно-угорской и тюркской мифологий. Параллели выявляются как в специфических наименованиях персонажей, так и в их наборе. Принимая во внимание территориальную близость восточно-южнорусского ареала к районам Поволжья, интересно было бы выявить детали культурного взаимовлияния русского и местных неславянских народов в системе мифологических представлений, что может быть предметом изучения в дальнейшем.

Указанные варианты южнорусских мифологических представлений сопоставимы с ареалами, выделенными по антропологическим (физический облик), диалектологическим (говоры южнорусского наречия) и этнографическим данным. Так, ареал *восточного варианта* географически совпадает с ареалом распространения восточной (рязанской) группы говоров, тогда как *западный вариант* охватывает область расположения «западных» групп южнорусского наречия. Выявленные в диссертации варианты южнорусских мифологических

представлений территориально соответствуют районам распространения тех или иных антропологических типов в составе изучаемого населения: верхнеокского (*западный вариант*) и дон-сурского, степного и средневолжского (*восточный вариант*). Западная и восточная части Южнорусской историко-культурной зоны различны и по размещению этнокультурных групп населения. В восточной части, где наименьшее количество говоров, проживали в основном однодворцы, небольшая часть мещеряков в Тамбовской губернии и цуканов в Воронежской. В западной же – с наибольшим числом говоров – остальные историко-культурные группы населения: кроме подавляющего числа однодворцев, здесь размещались полехи, саяны, мананки, карамыши, цуканы, горюны. В этих двух ареалах прослеживаются и отличия в культуре, составляя ее локальные варианты, о чем свидетельствуют фольклорно-этнографические исследования по региону.

Таким образом, настоящим исследованием подтверждается наличие в регионе двух больших историко-культурных ареалов – *западного* и *восточного*. Этим территориальным распределением характеризуется комплекс представлений о мифологических персонажах, зафиксированный в этнографических источниках, относящихся к концу XIX – началу XX века. Более поздние фольклорно-этнографические материалы (второй половины XX – начала XXI века), исследованные в настоящей работе, в некоторой степени подтверждают наличие такой локальной вариативности.

В диахронном плане можно говорить об определенных различиях между южнорусскими мифологическими представлениями конца XIX – начала XX века и второй половины XX – начала XXI века. Первый из указанных диахронных срезов характеризуется значительно большей архаичностью мифологических представлений, наличием разнообразных персонажей и широким кругом поверий, связанных с ними. Для второго диахронного среза характерна трансформация в сторону обобщения или исчезновения к концу данного периода целого ряда мифологических образов, их трансформации, свидетельствующие о разрушении фольклорно-мифологической традиции.

Сохранение многих элементов традиционных представлений мифологического характера в сознании современного человека обусловлено не только законами бытования и трансформации культуры, в том числе фольклора. Это поддерживается, с одной стороны, особенностями нашей психофизиологии, а с другой – спецификой культурной ситуации, сложившейся в России в конце XX столетия. В период так называемой «перестройки» под воздействием целого ряда факторов мощно актуализировались маги́ко-мистические идеи. Всплеск «неоязычест-

ва» и различных вариантов религиозности в определенной степени возродили и обновили сохранявшиеся мифологические воззрения⁴⁶. Среди различных по образованию и культуре представителей современного общества в настоящее время бытует множество рассказов о паранормальных существах и явлениях, не укладывающихся в рамки обыденной действительности⁴⁷. В современных свидетельствах о таких феноменах можно обнаружить немало аналогий и даже полных совпадений с сюжетами народных мифологических рассказов. Так, например, в сообщениях конца XX века о популярном отечественном полтергейсте – «барабашке», приведенном в статье С.И. Дмитриевой, можно узнать представления о подобных духах русской мифологии, фиксируемых в конце XIX – начале XX века (*кикоморе, домовом* и др.). То же касается и образов современных НЛЮ-навтов, которые зачастую напоминают чертей и других представителей нечистой силы, а в рассказах о снежном человеке прослеживаются некоторые черты лешего⁴⁸.

В целом можно констатировать, что мифологические представления активно бытовали в народной культуре южнорусской зоны в конце XIX – начале XX века; интересно, что они бытуют, своеобразно трансформируясь, и в конце XX – начале XXI века.

Сопоставление этнографических, антропологических и диалектологических ареалов на южнорусском пространстве и, в частности, на территории Центрального Черноземья, показало, что границы их не обязательно четко совпадают между собой, а тем более не совпадают порой с административно-территориальным делением. Точного совпадения и не могло быть, так как изучаемый регион и его население сформировались в результате «переплетения» сложных этнических и миграционных процессов на протяжении длительного времени, и каждый временной период оставлял свой след в историко-культурном развитии населения региона.

⁴⁶ Харитонова В.И. «Весна Средневековья» накануне III тысячелетия (Магико-мистическая практика и „народное целительство“ в Московском регионе) // Московский регион: этноконфессиональная ситуация. М.: ИЭА РАН, 2000. С. 262–282.

⁴⁷ Её же. Из опыта «полевой работы» на семинарах «Центра по изучению шаманизма и иных традиционных верований и практик» (Фантастичен ли роман М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»?) // Полевые исследования Института этнологии и антропологии РАН. М.: ИЭА РАН, 2002. С. 138–158.

⁴⁸ Правдивые рассказы о полтергейсте и прочей нежити на овине, в избе, в бане. Сост. К. Шумов, Е. Преженцева. Пермь: Янус, 1993. 222 с.; Дмитриева С.И. Мифологические представления русского народа в прошлом и настоящем (былички и рассказы об НЛЮ) // Этнографическое обозрение. 1994. №6. С. 97–110.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации

Публикации в изданиях,

рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. *Титова, О. Ю.* К проблеме формирования групп русских в Воронежском крае / О. Ю. Титова // *Этнографическое обозрение.* – 2010. – № 2. – С. 41–55 (1,1 п.л.).
2. *Титова, О. Ю.* Об особенностях поверий о ведьмах у южнорусского населения / О. Ю. Титова // *Вестник Московского государственного областного университета, Сер. История и политические науки.* – 2011. – № 4. – С. 19–24 (0,6 п.л.).
3. *Титова, О.Ю.* К вопросу о мифологических персонажах русских Центрального Черноземья (XIX – начало XXI века) / О. Ю. Титова // *Этнографическое обозрение.* – 2014. – № 2. – С. 116–130 (1,2 п.л.).

Публикации в других изданиях:

1. *Дынин, В. И.; Колпакова, С. Ю.; Кузнецова [Титова], О. Ю.; Титов, С. А.* Полевые исследования учебно-научной лаборатории «Этнография Центрально-Черноземных областей России» в Тамбовской области. Июль 2003 г. / В. И. Дынин, С. Ю. Колпакова, О. Ю. Кузнецова [Титова], С. А. Титов // *Этнография Центрального Черноземья России: материалы III межвузовских научных чтений.* – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. – Вып. 3. – С. 86–91 (авт. вклад 0,2 п.л.).
2. *Титова, О. Ю.* Народные верования жителей поселка Манидинский Таловского района Воронежской области: конец XIX – XX вв. / О. Ю. Титова // *Этнография Центрального Черноземья России: сборник научных трудов.* – Воронеж: Истоки, 2008. – Вып. 7. – С. 120–128 (0,45 п.л.).
3. *Титова, О. Ю.* Народные верования Таловского района Воронежской области / О. Ю. Титова // *Этнография Центрального Черноземья России: сборник научных трудов.* – Воронеж: Истоки, 2009. – Вып. 8. – С. 141–151 (0,5 п.л.).
4. *Дынин, В. И.; Титова, О. Ю.* Огненный змей в народных верованиях южнорусского населения XIX – начала XX века / В. И. Дынин, О. Ю. Титова // *Вопросы истории славян: сборник научных трудов.* – Вып. 20. – Воронеж: Научная книга, 2010. – С. 99–121 (авт. вклад 0,45 п.л.).
5. *Титова, О. Ю.* Образ колдуна в мифологических представлениях южнорусского населения XIX – XX вв. / О. Ю. Титова // *Историко-культурное наследие и современная этнология: Материалы конференции молодых ученых. Москва, 16-17 декабря 2010 г.* – М.: ИЭА РАН, 2011. – С. 106–117 (0,7 п.л.).
6. *Титова, О. Ю.* Локальные группы русского населения южнорусской этнографической зоны / О. Ю. Титова // *Берегиня: 777: Сова.* – 2013. – № 1. – С. 6–14 (0,9 п.л.).
7. *Титова, О. Ю.* Образ домового в поверьях населения Центрального Черноземья / О. Ю. Титова // *Культурные границы и границы в культуре: Материалы конференции молодых ученых. Москва, 5-7 декабря 2012 г.* – М. ИЭА РАН, 2013. – С. 186–195 (0,5 п.л.).